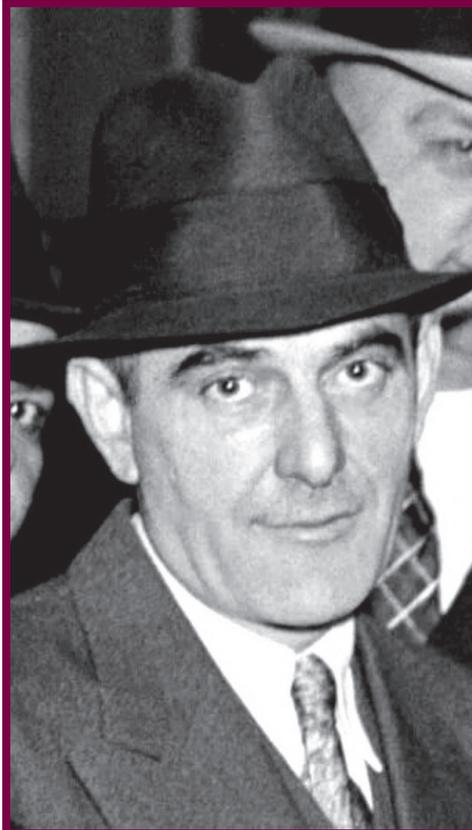

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ВЕСЕЛЫЙ АФЕРИСТ

СТР.10-11

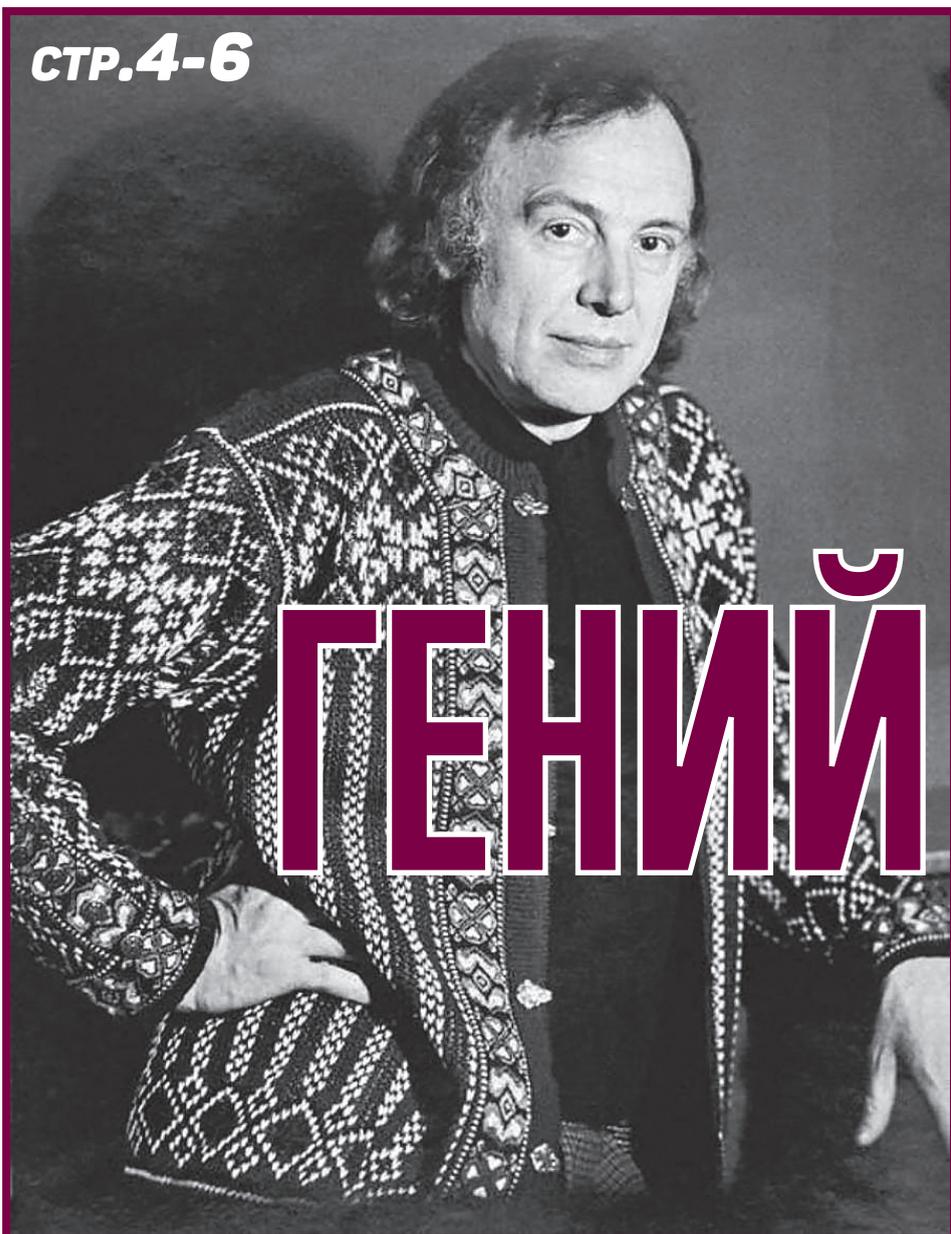
СТР.7-9

ВЕЛИКИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№32 (217)
АВГУСТ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.4-6

ГЕНИЙ

СТР.14-17

СОРОК ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ И НА ЭКРАНЕ

ВЕЛИКИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ

Геннадий Норд

Юрий Черниченко – писатель, как их тогда называли, сельскохозяйственник, ученик и последователь знаменитого писателя Георгия Радова.

Он являлся одним из первых преобразователей России, ратовавших за демократическое будущее страны.

А еще он невероятно добродушный, обаятельный, надежный и верный друг с изумительным чувством юмора.

Спрашиваю у него:

- Юрий Дмитриевич, как ты себя чувствуешь?

- Как российская демократия: штормит, болтает, трясет, а улучшения нет.

Он всей душой болел за российское сельское хозяйство, пытался добиться его улучшения. Он активно выступал за создание фермерских хозяйств, которые смогут накормить страну.

Конечно, многие вопросы, которые волновали Черниченко в пору его активной деятельности в девяностых – начале двухтысячных сегодня не актуальны. Но по большому счету проблемы сельского хозяйства не исчезли и сегодня.

Самого первого фермера в своей жизни я увидел в 90-м году в селе под Котласом. Звали его Ян Робевский; личный конфликт с деревней (у каждого фермера всегда есть личный конфликт с деревней) начался с теплого ватерклозета на втором этаже нового дома.

Нововведение потрясло село. Настолько, что дети прибежали слушать звук спускаемой воды. Вот честное слово: детишки, задравши головы, стояли возле дома, как возле Театра кукол Образцова, и часами дожидались волнующего звука. И разбежались с диким визгом.

Но, конечно, кроме клозета у Робевского был еще кабинет, а на стене кабинета висел портрет Юрия Дмитриевича Черниченко.

Ян говорил:

- Ты послушай, что он пишет, что пишет!

И, зажмурившись, цитировал:

- Председатель колхоза прост, как «Правда».

И еще:

- Доить нужно корову, а не голову крупного рогатого скота.

Я знаю, что в этой скромной истории сконцентрировалось все то, что так мучало в Черниченко его оппонентов, в чем его принято обвинять: преувеличение дикости русской деревни, безмерное преувеличение роли и возможностей фермерского движения, много раз помянутая фермерская «гордыня»; я знаю, что она может только раздражать. Но ведь Юрий Дмитриевич Черниченко и является великим раздражителем.

- Доставали тебя сильно?

- Очень. Как будто я носил десяток лет фанерку на шее: «Он развалил колхозы». Слышал от Стародубцева тульского:

- Ну, как работается на Пентагон?

А еще читал в творениях министра сельского хозяйства Гордеева, что фермеры - откат на сто лет назад. Вот и мысли черные приходят.

Знал сельское хозяйство Юрий Дмитриевич, как немногие: двадцать лет он очеркист-аграрник от газеты «Советская Молдавия» до «Правды». Пятнадцать лет - ведущий программы «Сельский час». Пятнадцать книг.

Потом, конечно, народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы; секретарь Союза писателей Москвы, депутат Совета Федерации РФ первого созыва, член комитета по аграрной политике; председатель Крестьянской партии России.

Юрий Черниченко, Судак, 1945 г.

Но это, так сказать, блестящая, городская сторона карьеры.

А были, между тем, шесть лет на целине, квалификация тракториста широкого профиля, оператора машинного доения, стригала овец по новозеландскому способу - это, меринос должен был сидеть на зад, как дворняга.

Был еще и дед, белгородский садовод Максим Васильевич, умерший от голода зимой 1933 года на «черноземах Ворсклы, от века не знавших - в силу высокого плодородия - голодных смертей.

- А ты как выжил?

- А я в четыре года (значит, в том же 1933 году) мог быть украден и сварен на холодец в кубанской станице Пашковской, где отец работал агрономом.

Потом стало очень не модно иметь жесткий взгляд на обустройство России, волноваться же вообще не гламурно. А Юрий Дмитриевич очень жестко судил и сильно волновался.

Вот что он говорил в то время:

- Такой внеаграрности мышления давно в России не было. Возможно, не было никогда. Этим летом предпринял я путешествие по храмам дружбы - Пушкинские Горы, Изборск, Псков. У дорожного полотна, на полях выше человеческого роста сорняк, борщевик. Таких исполинских зарослей, наверное, не было при варягах, при Батые. За всю тысячелетнюю историю России такого разгрома сельского хозяйства не было. Из оборота выпали тридцать миллионов гектаров пашни - почти столько, сколько было поднято целины всем СССР в пятидесятые годы.

Вся политика министерства сельского хозяйства - как-таки не дать крестьянину земли. И не дали. А теперь есть ли кому ее брать?

Полвека слежу за колхозным строем. Его нужно было зарыть и попрощаться с ним; но ведь не попрощались, не нашлось человека, который взял бы на себя такую ответственность.

Более того, в последние несколько лет были приложены немалые усилия к тому, чтобы сельскохозяйственная Россия стала страной гигантских агрохолдингов. Хозяин Магнитки Федор Иванович Клюка взял на свое попечение сто двадцать четыре селения и сто пятьдесят семь тысяч гектаров засева в Белгородской области. Это что-то вроде того, как раньше завод патронировал колхозу, только масштабы пантагрюэлевские.

- Я не такой свихнутый, чтоб не нашел применения своим деньгам, - нашел бы! - говорил Федор Иванович, входя в сельский бизнес.

И кто возразит ему? Я горжусь, кстати, что отговорил господина Ключку от его прекрасных планов в публичной дискуссии. Не сразу, но он отказался в итоге от этих земель.

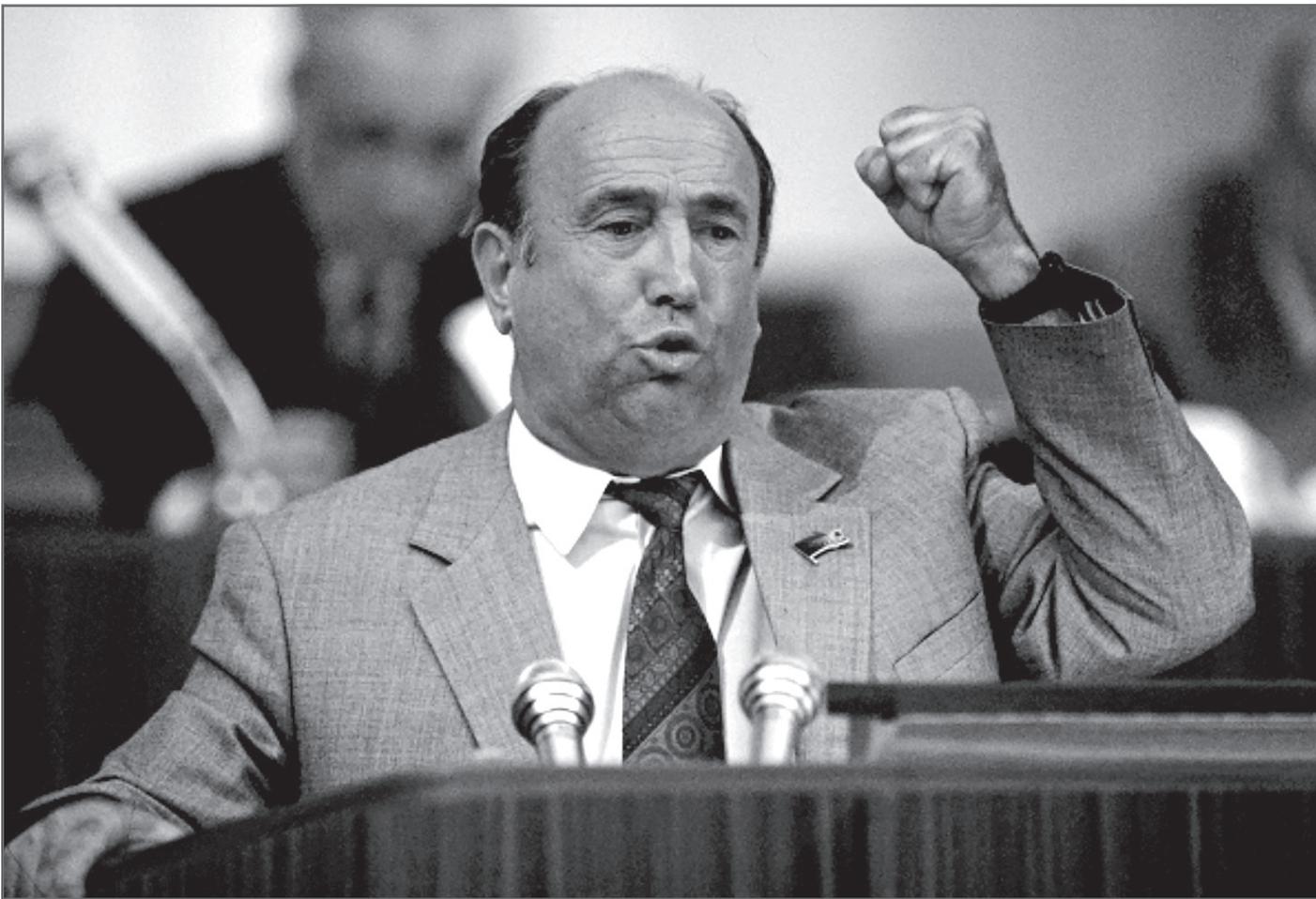
- А как ты отговорил?

- Я напомнил ему, что он получает земельные паи сорока тысяч колхозников, что любой вид кооперации, а слышались чудесные уверения, что агрохолдинг это по сути дела кооперация на современном, механизированном, более масштабном уровне, невозможен без сложения собственности. Пусть даже на микроуровне личных усадеб - но не гипотетических земельных паев.

У крестьянина, торжественно вошедшего в агрохолдинг, ничего нет кроме рук. Он обобранец, он опять на барщине. А обобранец должен выживать и чем-то жить, поэтому он не работник, он пьяница и вор по определению.

Я писал в письме к Ключке: «В селе Роговатове проживают три с половиной тысячи человек, работают пятьсот, остальные три тысячи воруют и пьют. Двести семьдесят три телеги в селе!

Окончание на с.8

Окончание. Начало на с. 7

На резиновом ходу, у кого и на подшипниках. Подшипники смазывают, чтоб не скрипели. Рядом Воронежская область. Говорят бывалые мужики:

- Ключу обворовывать не будем, он наш человек.

Как саранча, налетели на Воронежскую область, тащат сплошь и рядом. Если Сталин начинал драконовским указом о десяти колосках, а ваш, белгородский же колхозный председатель Руденко кончал засадами на баб, ночью таскавших семена лука, то вам, не имеющему ни ОГПУ, ни засад на сто пятьдесят семь тысяч гектаров, гуляй-поле противостоит серьезное».

- Вот после таких-то писем и говорят, что ты презираешь и не любишь крестьян, что ты привел в деревню городских интеллигентов - фермеров, а потом бросил.

- Кто я такой, чтобы кого-то бросать? Я сам лишился земли, которую с такой помпой получил в Княгининском районе Нижегородской области. Гонорары от двух книг пошли на ремонт почвы, но сменилась власть в районе, и землю отобрали.

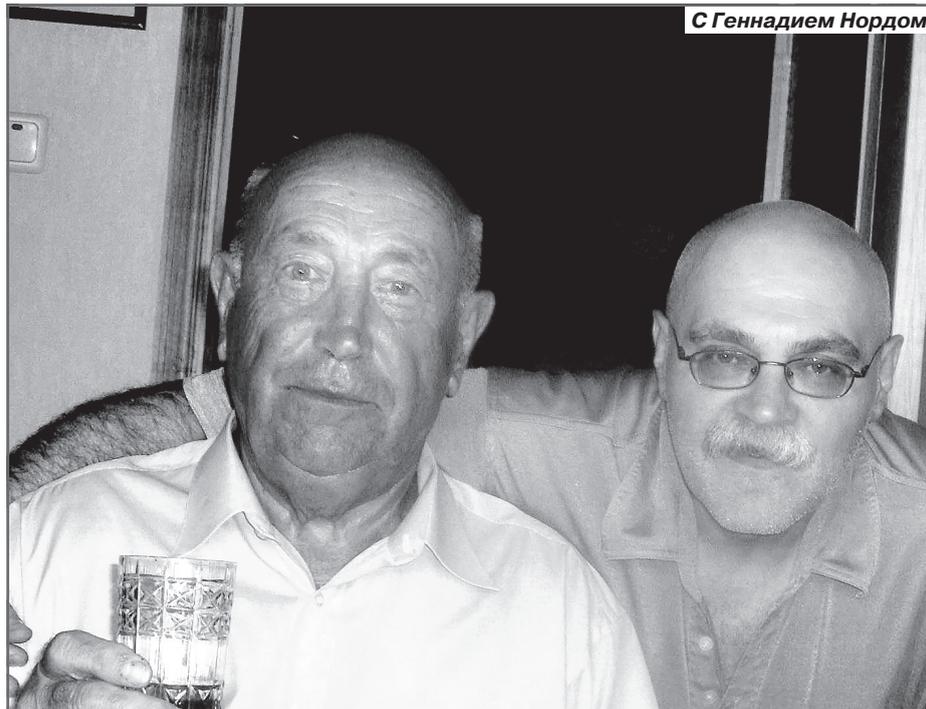
От крестьян, от аграрных проблем отвернулось общество, отвернулся писательский люд, отвернулись самые чуткие люди из городской интеллигенции - творческой, научной и так далее. Это нам надо винить и самих себя: вместо крестьянина появился обобранный.

А фермерство - это вообще преданная революция.

Грех всей демократии в том, что с девяностого года демократы, за исключением Александра Николаевича Яковлева, были глухи к проблемам сельского хозяйства. Да и зачем им? Что им пейзаж? Зачем им фермеры?

Сотни тысяч самых живых, самых инициативных людей села и города увлеклись идеей свободного труда на своей земле, взяли пашню, отдали многие годы созданию острова частной жизни и разорились, надорвались в бесплодной борьбе с налогами, диспаритетом цен, ставками кредита, инфляцией, чиновничьим произволом. Против них - районная знать, председательский корпус, деревенские соседи, общественное мнение, наконец.

Юрий Дмитриевич даже с некоторым весельем удивляется: еще совсем недавно он спорил, рассказывал иным своим собеседникам, что миллионы колхозников с грибов не вылазят, не могут себе позволить даже селедки; что все-таки государство, а не энтузиасты, народни-

С Геннадием Нордом

ки и прогрессоры, должно построить в селе дороги и теплые сортиры, взорвать, перетряхнуть этот мир черношиферных колхозных деревень.

А ему говорили: ну, это вы слишком; ну, не все так плохо. Прилавки полны, крестьяне из сильненьких (те же фермеры - а их много, много еще на плаву осталось!) на иномарках ездят. Не желали «плохое» слушать - а все приличные, прекрасные даже люди.

И все это с той интонацией, с какой, по Набокову, каторжане отгоняли от работы трудолюбивого, но косорукого Чернышевского:

- Не мешайтесь, стержень добродетели!

Юрий Дмитриевич отошел от дел. Он сидел на своей даче - половина дома в скромном подмосковном поселке. Окно распахнуто в сад. В саду очень красиво.

- Что читаешь?

- «Бесов» Достоевского. Все как-то не успевал раньше прочесть.

- Кто же наш народ накормит?

- Никто. И никогда.

- То есть как?

- А так. Накормить можно скот, можно накормить эзков, жена может накормить мужа, мать - ребенка, но накормить... народ? Это безумие! Это невозможно. Такого не бывает. Разве можно накормить свободных людей? Бред! Свободный человек может, если ему надо, накормить себя только сам - сколько может, сколько хочет. По одежке будет протягивать ножки, но сам. В самой постановке вопроса - давайте, мол, накормим народ - заключен эзковский подход, подход агро-ГУЛАГа, эзковское мышление.

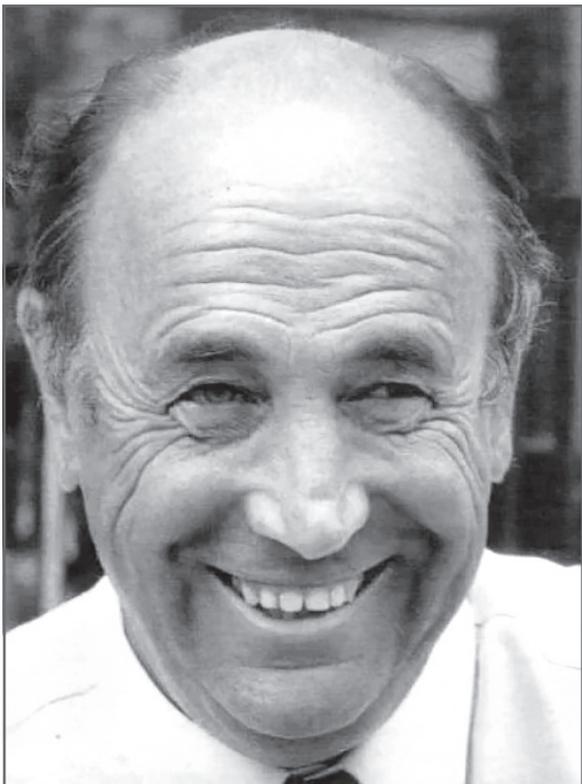
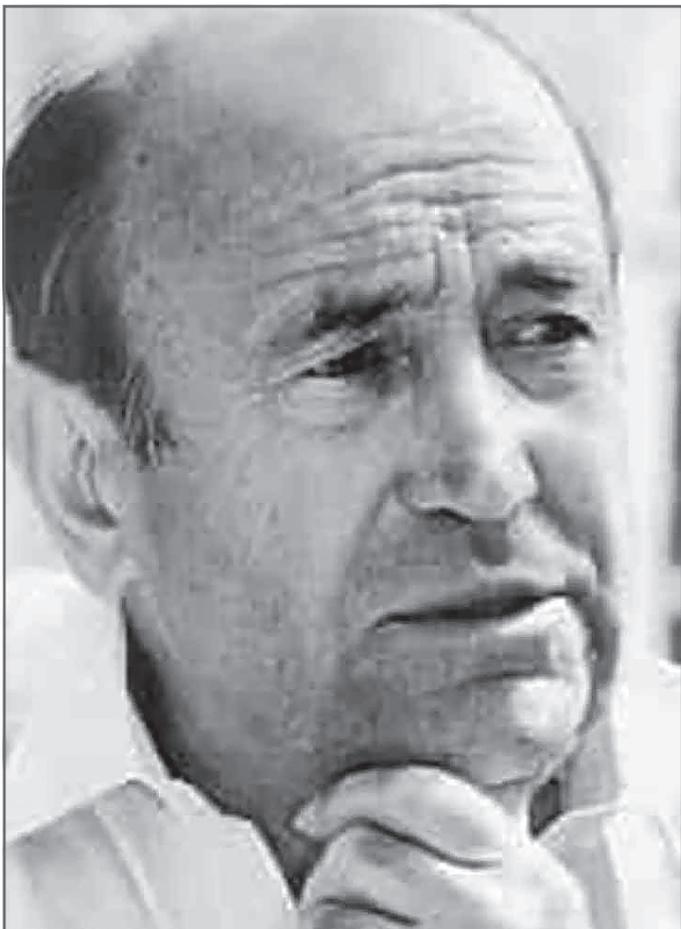
- Что ж нам, помирать с голоду?

- И помрем, если рабы! А чтоб не помереть, надо как можно скорее отдать землю крестьянам в частную собственность.

- А может, не дразнить гусей? И передать землю не в частную собственность, а в вечное пользование? Какая разница-то?

- Если не дразнить гусей, то никаких гусей и не будет. А разница огромная. Такая же, как между сожительством с прелестной дамочкой и законной женитьбой. В первом случае - никакой ответственности, может приехать муж, начистить тебе ряшку. А во втором - семейная ответственность за выращивание детей, укрепление общего хозяйства. Здесь все надежно - и юридически, и экономически.

А там все шатко, все на ниточке: сегодня дали вам этой землей пользоваться, а завтра - отобрали «по

- государственным» соображениям: допустим, дорогу решили через ваш участок провести - и все дела. Никаких гарантий.

И еще: в браке подлинном, законном накапливается богатство в доме, а в романчике «на стороне» богатство тратится - нужно ведь погулять.

- Но закон сам по себе тоже ведь не кормит.

- В итоге накормит! И российские депутаты поняли это, когда приняли его на своем 2-м Съезде. Хотя и с поправкой. Закон нужен для того, чтобы ни ты, ни я, ни парламентарии никогда больше харчами не занимались. Не наше с тобой это дело! Пусть работает экономика. Автоматически. Тогда и накормим себя сами.

- Мне много интересного рассказывали о писательском доме в Пицунде. Отдых на этом черноморском курорте советские писатели часто называли «творческой командировкой». Работая над очередной книгой, они жарились на пляже, ловили рыбу, общались. В общем, отдыхали. Расскажи, пожалуйста.

- Я всегда жил в Доме Литфонда в Пицунде. В то время я был секретарем Союза писателей СССР, поэтому, только я приезжал, администрация быстро выясняла, кто я, и мне давали прекрасные, престижные номера с видом на море или горы.

Я приезжал каждый год. Я люблю ловить рыбу и вялить ее на балконе, и уборщицы в Пицунде, знавшие мою страсть и ненавидевшие меня за это, ворчали:

- Вот, опять этот «рыбзавод» приехал.

Кстати, однажды моя жена Валя боле- ла и не смогла поехать в Пицунду вместе со мной. Я не изменил себе - ловил и сушил рыбу на балконе. А потом отправлял ее вместе с каштанами посылкой жене. Мою рыбу ела вся Москва.

Каждое утро я плавал от устья реки Бзыбь (это очень холодная горная реч-

ка) до дачи Никиты Хрущева. Дальше плыть было опасно. «Девятка» могла выловить, и тогда проблемы были обеспечены, а отдых испорчен.

Мы сочиняли свои описи и ходили в реликтовый лес. Здесь воровали меньше, чем обычно воруют в столовых в Абхазии.

Местный человек мог легко существовать за счет продажи чачи на базаре. И продавали. Охочие до горячительного писатели ее покупали.

Обслуживающий персонал был на удивление ленивый. Получить лодку

для ловли рыбы на лодочной станции было почти невозможно. Они считали эту работу пустяком. Гораздо серьезнее было продавать чачу. Местные жители ленивее русских.

Но я их надувал. Спускался к лодочной станции с кульком только что купленной на базаре ставриды. Показывал им.

- Где взял? - живо интересовались абхазцы.

Я отвечал, мол, в море выловил:

- Ставрида пошла. За час наловил 200 рыбин.

Тогда они страстно, порывисто мчались к морю, спускали лодки и куролесили по всему заливу, пытаясь выловить хоть одну ставридину.

Когда они, усталые и без единой рыбы, возвращались на берег, я им объяснял, что «был косяк - ушел косяк».

Каждый год вся Пицунда праздновала день Нептуна. По радио тамошние тетки объявляли о вечерней репетиции примерно так:

-Товарищи черты, змеи и другие гады, сбор на теннисной площадке.

День Нептуна начинался с так называемого рыболовецкого конкурса. Я помню, как-то наловил 314 штук и победил.

Затем следовал другой конкурс. Местные его называли «виталкивание гарбуза на берег». Здоровенный арбуз нужно было первым вынести на берег из моря. Спасатели считали, что они в любом случае победят. А я решил:

- Фиг им.

Хотя спасателей и было трое. Взял арбуз, погрузился на глубину и шел с ним пешком по дну. Я ведь ныряльщик. Думаю: «Ну, подохну, а приду первым».

Они там сверху говорили, что это нарушение правил. Прошел по дну метров сорок. Полуживой вынырнул на берег. Я пришел первый, и самый большой арбуз достался мне. Потом мы его, правда, презентовали какой-то маленькой девочке, которая хорошо танцевала.

Как-то я спросил у лежащего в тени лодочника-абхазца дяди Кости, где бы подкоптить рыбу.

- Приходи ко мне, у меня копильня есть.

Он объяснил мне, что живет в лесочке над Гагрой. Я заранее купил литровую бутылку кахетинского вина за 96 копеек. С пустыми руками как-то неудобно идти. Вот и решил трудяге подарок такой сделать.

В общем, взял улов, бутылку и поперся в горы. Бреду-бреду, а кругом какие-то особняки. Вижу один белый особняк каменный, двухэтажный, с порталом. Прямо Ницца. Вышел из него какой-то мужик. Я спросил, мол, где дядя Костя.

-А вы кто?

Все объяснил. Тут появился сам владелец копильни. Оказалось, что этот белый особняк дяди Кости. В нем 15 комнат и 30 жильцов. Каждый платит ему по три рубля.

Понимаешь мое изумление - ожидал увидеть шалашик, а вместо него целый дворец, который уже тогда стоил миллионы. Ему просто нужно было где-то служить для прикрытия. Вот он и устроился на лодочную станцию и целыми днями валялся в тени. Такой вот пицундский Корейко.

Зато когда я спустился к морю с бутылкой кахетинского и свежекопченой рыбой...

